

**Введение
к рубрике**

Владимир Фурс

Едва ли подлежит сомнению тезис о том, что трансцендентальная философия, имеющая уже более чем двухвековую историю¹ и представленная как классическими, так и современными формами, является одной из наиболее мощных и продуктивных линий развития в западной философской традиции. Причем трансцендентализм изначально представляет собой многомерную и гибкую позицию, целенаправленно преодолевающую тупиковые крайности, которым так подвержено рефлексивно неосмотрительное философствование. В частности, парадигматический пример Канта свидетельствует о том, что трансцендентальная философия возникает как оригинальный выход из патового противостояния безоглядного метафизического системотворчества и скептического безволия познания, показавших себя в равной степени вырожденными стратегиями. Во-первых, трансцендентальная философия является реакцией на неподнадзорность метафизики, и не случайно именно к кантовскому трансцендентализму восходит столь популярная сегодня радикальная и всеобъемлющая критика разума²; в качестве необходимого слагаемого трансцендентальная позиция включает поэтому критическое выяснение границ применимости используемых нами концептуальных схем, которые больше не принимаются простоудушно за отображение самих вещей, а осознаются в их действительном статусе условных идеализаций. Во-вторых, наследуя просветительскую принципиальную критику метафизики, Кант избегает соблазна ее простого отбрасывания (для этого ведь много ума не надо): признавая метафизическую "тотализацию" в качестве неистребимой склонности нашего ума, он филигранно вписывает традиционную метафизику в рамки, установленные принципом опыта как единственным источником любой достоверности; в этом смысле трансцендентальная позиция имплицитно устанавливает на осмотнительную тотализацию. В-третьих, критико-рефлексивное "снятие" мнимой оппозиции открывает изменение условий возможности опыта как новое интеллигибельное поле философского анализа; происходит кардинальная реорганизация оптики философского зрения: уже не предустановленный субстанциальный порядок вещей самих по себе, а интересубъективные структуры человеческого опыта фиксируются и пристально рассматриваются трансцендентальной философией. В-четвертых, ставя вопрос о природе предпосылок опыта, трансцендентальная философия кантовского образца ориентируется на достижение предельного (абсолютного) обоснования. Это обстоятельство, по-видимому, свидетельствует о сохранении в философском трансцендентализме некоторых принципиальных черт классического типа философского мышления, только "онто-теологическое" обоснование, характерное для традиционной метафизики, заменяется трансцендентальным: мировая телеология центрируется не в Боге, а в трансцендентальном субъекте.

Пожалуй, трансцендентальная философия может принести нам пользу даже в своем исходном виде (хотя бы для избавления от реликтов субстанциальной онтологии). Вместе с тем трансцендентализм имеет достаточно богатую историю, и наряду со своими классическими формами (немецким идеализмом и неокантианством) достаточно широко представлен и в современной философии. Основываясь на работе Марселя Нике³, можно выделить две основные ветви развития трансцендентальной позиции: в аналитической философии — это персонафицированная, прежде всего, Стросоном и Страудом проработка эпистемологической идеи "концептуального каркаса" (conceptual framework) как условия возможности нашего опыта; эта идея была подвергнута фронтальной критике Рорти на основе холистских и историцистских соображений⁴. Вторая представлена в экзистенциально-феноменологической стратегии философствования, и здесь ключевыми фигурами, с которыми связаны кардинальные трансформации трансцендентализма, являются Гуссерль и Хайдеггер. Здесь не место предпринимать содержательные реконструкции развития трансцендентальной установки в современной философии (предмет заслуживает более серьезного отношения); отмечу лишь, что вклад Хайдеггера в историю трансцендентализма оказался двудейственным и, в определенной мере, роковым: выявляя квазитрансцендентальную "предструктуру" бытия-в-мире (и открывая тем самым новые горизонты трансцендентального анализа), Хайдеггер — мотивами фактичности "брошенной наброска" и экзистенциальной временности — прочертил перспективу преодоления трансцендентализма как такового. "Де-трансцендентализация" стала сегодня своего рода диагностическим клише: как Кант отправил на пенсию Бога традиционной метафизики, так и многие сильные игроки в современной философии, опирающиеся на конвергенцию идей философской герменевтики, теории языковых игр и постэмпирической философии науки, постмодернистской теории и неопрагматизма, констатируют разложение любых трансцендентальных инстанций.

Урок Канта, скорее трансформировавшего, чем преодолевшего метафизику, может быть поучителен и в этой связи: мне представляется, что разумнее говорить о назревшей кардинальной мутации, а не упразднении трансцендентализма. В любом случае, однако, трансцендентальная философия кажется завидным спарринг-партнером, причем не только потому, что освоение первоклассной философии в любом случае сделает наш лоб чуточку шире, но и потому, что такой опыт может быть полезен для моделирования собственного философского лица. Тексты, содержащиеся в данной рубрике, репрезентируют как классику трансцендентализма (статья Андрея Шумана, вписывающая диалектическую логику Гегеля в традицию трансцендентальной философии), так и его сегодняшние образцы (сокращенный перевод статьи Вольфганга Кульмана, который, будучи учеником и наиболее значительным последователем Карла-Отто Апеля, ясно и полно представляет основную позицию трансцендентальной прагматики).

Примечания

- ¹ Термин "трансцендентальный" используется здесь в смысле, приданном ему Кантом.
- ² См.: After Philosophy: End or Transformation? / Ed. by Kenneth Baynes, James Bohman, and Thomas McCarthy. Cambr., Mass., L.: The MIT Press, 1987. P. 3-4.
- ³ См.: Niquet, M. Transzendente Argumente: Kant, Strawson und die Aporetik der Detranszendentalisierung. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1991.
- ⁴ См., напр.: The World Well Lost // Rorty, R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1982.